

В статье Х. Турьинской “Автоэтнографические источники в научном наследии В.В. Богданова” на примере жизни “этнографа, музееведа, фольклориста, географа, организатора науки” В.В. Богданова (1868–1949) в исторической перспективе рассматриваются отношения власти и дисциплины, кабинетной науки и поля.

В отличие от всех остальных статей, которые посвящены изучению “полевиков” как “других”, статья С.И. Рыжаковой «“Тело, разбросанное по земле”. Частная жизнь, профессиональная деятельность и полевая работа этнографа: к вопросу о соотношении этики и прагматики» – это пример “исповедальной этнографии”, как она сама называет. Это вторая, после работы Щепанской, статья, которую я бы отнес к главным удачам сборника.

Рыжакова пишет о том же, что и Щепанская, – о влиянии “поля” на самосознание исследования и конструирование “полевого знания”. Только если питерская исследовательница пытается подойти к теме через анализ (семиотический?) коллективных практик и тех идиом, которые возникают в “поле”, то ее московская коллега изучает собственное “я” и ту ткань отношений, в которые она вступает в “поле”, отсюда ее более интересуют “неоднозначный характер получаемой информации (которая может быть использована как во благо, так и во зло), влияние аффектов (а нередко и предубеждений) на сбор материала и тем более его интерпретацию, наконец, личной (и даже телесной) включенности исследователя в исследуемую ситуацию” (с. 165). Обе этнографии делают публичной изнанку полевой работы: если Щепанская рискует, открывая внутрисеховые секреты, то Рыжакова сильно рискует, рассказывая о своих личных “полевых” секретах.

Текст Рыжаковой, на мой взгляд, это не одна, а две статьи: в начале она рассказывает о своих “женихах”-информантах и общении с ними, об исследовательском опыте, который “дает возможность заглянуть в скрытые культурные области повседневной жизни, социального устройства и общественной морали”, потом рассуждает о “точке зрения” этнографа, его возможности видеть, иметь обзор, фиксировать то, что оказывается в поле зрения. В обоих случаях этнограф предстает как действующее лицо, он смотрит и одновременно творит, “режиссирует культуру”. Статья мне очень понравилась и заставила задуматься о многих темах. Например, о различии мужской и женской этнографии, о разных культурных приемах погружения “в поле” и разных “сферах” переживания, которые “поле” актуализирует в размышлениях исследователя. О том, как сознание человека, занимающегося исследованием и одновременно проживающего часть своей жизни в “поле”, переключается с “я-женщины” (или “я-мужчины”) на “я-ученый” или какое-нибудь еще “я”, где проходит черта между ними и где эти идентичности пересекаются. Или о том, каким образом эти переключения, эта игра становятся способами научной легитимации и манипуляции знанием, о моменте, когда процедура самоанализа и саморазоблачения (или разоблачения коллективных практик в “поле”, как у Щепанской) сама превращается в механизм утверждения “экспертного” авторитета.

Вот таким я увидел сборник “Антропология академической жизни”, в чем-то неровный, в чем-то эклектичный, но, безусловно, отразивший многие важные вопросы и темы современной российской этнографии.

ЭО, 2010 г., № 2

© **О.В. Веселовская. Африканские тарикаты и их изучение в российской науке: взгляд этнографа**

“Дерево растет ввысь потому, что его корни уходят в глубь кормилицы земли”

Пословица народа волоф (Сенегал)

Стремительное распространение ислама и укрепление его идеологии на Африканском континенте на протяжении всего XX в. породили интерес к данному процессу исследователей различного профиля. Внимание к подобной проблематике можно объяснить тем, что она затрагивает сферу современных социально-экономических и политических отношений, а также

Ольга Владимировна Веселовская – аспирант кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского университета; e-mail: veselo83@yandex.ru; _veselo@inbox.ru

этнических процессов в развивающихся странах Африки, в первую очередь ее западной части. Своим распространением в данном регионе ислам обязан деятельности суфийских братств (тарикатов), в рамках которых он и существует в наши дни. Западноафриканские тарикаты возникли еще в колониальный период и являются в настоящее время действующими социальными институтами, активно влияющими на экономику и политику таких стран, как Сенегал, Мали, Сьерра-Леоне, Нигерия и др. В связи с этим в настоящее время вопросами истории возникновения и функционирования тарикатов за рубежом занимаются не только исламоведы, но и политологи, а в особенности – социологи.

В отечественной же науке изучение мусульманского общества в Африке южнее Сахары часто лежит вне сферы интересов исследователей, занимающихся исламом. Обычно такое явление, как африканский вариант ислама, лишь упоминается в работах, посвященных суфизму. Стоит также отметить, что суфизм в этой части света почти всегда рассматривается исключительно с точки зрения мусульманской духовной традиции, при этом основное внимание уделяется универсальной интегрирующей силе монотеистической религии. Что касается локальных особенностей ислама и их трактовки, то здесь мы не находим должного, на наш взгляд, внимания со стороны исследователей, в первую очередь, этнографов.

Первой работой, специально посвященной африканским суфийским братствам, стала монография А.Д. Саватеева “Мусульманские духовные ордены в Тропической Африке” (1999). Эта книга фактически является единственной в отечественной науке попыткой изучения африканских тарикатов и претендует на всеобъемлющее и исчерпывающее их исследование. Безусловно, главное достоинство и ценность труда заключаются в том, что он содержит большое количество примеров существенного влияния тарикатов на современное африканское общество. Но, делая акцент на социально-экономические и политические аспекты, автор, хотя вскользь и упоминает о причинно-следственной связи процессов современности с традиционными ценностями и институтами, все же не придает особого значения анализу той этнокультурной основы, на которой буквально “выросли” рассматриваемые им суфийские братства. Некоторые вопросы, в частности, вероятная эволюция тайных союзов и кастовоподобных институтов в современные тарикаты, на данный момент не изучены ни этнографической наукой, ни другими смежными дисциплинами.

Вопреки заявленным целям, А.Д. Саватеев не столько раскрывает причины, обусловившие всестороннее влияние тарикатов на жизнь социума, сколько просто описывает то, как мусульманские братства функционировали и развивались на протяжении последней трети XX в. Однако отмеченный недостаток, скорее всего, нельзя поставить автору в упрек, так как приоритетным для него является изучение именно роли данных институтов в отдельно взятых африканских обществах (в первую очередь, в сенегальском и нигерийском) в наши дни. Конечно же, в одной работе вообще довольно трудно охватить все аспекты изучаемого вопроса. Тем не менее подобное игнорирование этнической основы при рассмотрении функционирующего социального института, безусловно, может привести к неправильной интерпретации явления и неверным выводам. Стоит отметить, что автор не отрицает того факта, что суфизм на протяжении нескольких веков “как губка впитывал многие элементы анимистических верований”, и, по его мнению, “африканцам импонировала мистическая практика тарикатов, близкая к ритуалам местных традиционных культов” (Саватеев 1999: 7). Однако он рассматривает данные факты скорее как пережитки домусульманской традиции, которые существуют только во внешней атрибутике ритуалов и в наши дни лишены какой-либо функции. Таким образом, А.Д. Саватеев не уделяет, на наш взгляд, должного внимания изучению исконных основ духовности рассматриваемых обществ.

Впрочем, в книге “Исламская цивилизация в Тропической Африке” (2000) исследователь уделяет больше внимания именно традиции. Эта работа посвящена истории становления и современному состоянию мусульманской цивилизации в Африке южнее Сахары. Ключевым здесь является представление о цивилизации как о социокультурной целостности, поэтому на этот раз автор не мог проигнорировать “преемственность развития и непрерывное накопление опыта и достижений” традиционной культуры в ее становлении (Саватеев 2006: 7). Кроме того, посвящая отдельную главу характеристике тарикатов, А.Д. Саватеев рассматривает вариативность ислама в Африке и делает особый акцент на роли харизмы, ссылаясь на теорию М. Вебера. Но все же особое внимание вновь уделено процессам глобализации, а также изучению мусульманского фундаментализма как основной составляющей мусульманской цивилизации в Африке. Таким образом, в целом не отрицая значимости традиционной основы, автор не приводит конкретных примеров, вновь ограничиваясь лишь упоминанием о ней.

Все сказанное выше ни в коем случае не умаляет значения монографий А.Д. Саватеева и их состоятельности, но исследования автора, вероятно, могли бы быть намного более содержательными и глубокими, если бы были учтены этнокультурные аспекты. Однако нельзя не сказать и о неоспоримой заслуге ученого, ведь именно А.Д. Саватеев впервые в российской науке обратил внимание на мусульманский институт тарикатов и отметил его актуальность как объекта исследования. Несмотря на все недостатки, его работы привлекают внимание к подобной тематике и дают стимул к ее изучению с точки зрения этнографии, а также других смежных дисциплин.

Контакт ислама с африканскими традициями привел к возникновению синкретической религии, а также к изменениям в сфере социальных отношений. Описывая роль тарикатов в жизни современных западноафриканских этносов, нельзя упускать из виду того факта, что для многих традиционных африканских обществ характерна потестарно-политическая система с сакрализованной центральной властью, так как любая власть заключает в себе сакральный элемент. Так, в Западной Африке, в особенности на территории современных Нигерии, Сьерра-Леоне, Либерии, еще до исламизации сложилась особая система управления обществом, в которой важную роль играли тайные союзы, для которых было характерно единство сакрального и потестарного. Изначально тайные общества выполняли функции социальной регуляции и управления, были одним из механизмов формирования политической власти, а также общественной и имущественной дифференциации. Подобные институты контролировали все аспекты жизни общества и даже были способны сплотить независимые территориальные объединения. Кроме того, союзы способствовали аккультурации различных этносов и их консолидации, особенно в городах.

Данная система является исконной, поэтому даже ислам не смог полностью заменить ее своими нормами. В настоящее время именно тарикаты – центр не только религиозной, но и социальной жизни, что подробно описывается в книгах А.Д. Саватеева. С приходом ислама процесс интеграции ускорился под воздействием новой религии, но его начало было положено еще в домусульманский период. Конечно, без предварительного и целенаправленного исследования данного вопроса нельзя утверждать, что традиционные социальные институты с приходом ислама превратились в мусульманские духовные ордены, целиком и полностью сохранив все свои особенности. Но не стоит забывать и о том, что любая организация социума возникает на основе уже существующих потестарных институтов, и сначала она может даже сохранять их внешний облик. Поэтому сходства структуры, функций, а также ритуалов и церемоний традиционных тайных союзов и современных тарикатов не случайны. Кроме того, рассуждая о влиянии подобных институтов, важно учитывать и собственно духовно-религиозную традицию, так как именно она во многом предопределяет их характер и специфику.

Ислам формально провозглашает социальное равенство всех мусульман, но для ряда исламизированных обществ Западной Африки характерно существование групп кастового и этнокастового типа. Здесь в свое время возникли прокастовые социальные группы, объединявшие ремесленников, а также жрецов, земледельцев, пастухов, охотников, рыбаков, торговцев, сказителей (гриотов), музыкантов. Выделились и особые аристократические группы. Подобно традиционным потестарным институтам, общинно-кастовые (и кастово-племенные) системы оказывают влияние на социально-культурную жизнь тех африканских стран, где они существовали.

В процессе адаптации ислама в Африке общинно-кастовая система продолжала непрерывно развиваться. Возможно, одним из результатов воздействия ислама стало снижение социального статуса некоторых групп и повышение статуса других, сложилось особое духовное сословие, которое в большинстве случаев заняло верх социальной лестницы. В новое время отдельные касты нашли поддержку в крупнейших мусульманских братствах. Например, общины тариката Кадирийя обладают сложной иерархией, отдельные ранги которой иногда связаны с аристократическими кастами и кастами ремесленников, а последователями братства Мюридийя в Сенегале почти без исключения являются крестьяне-волофы.

Таким образом, традиционные потестарные институты и кастовоподобные группы народов Западной Африки, эволюционировав под влиянием ислама, продолжают существовать уже внутри мусульманских духовных орденов.

В 2008 г. появилась книга Н.Н. Дьякова “Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки”, посвященная изучению суфийских братств в Африке. Она представляет собой обзор истории распространения суфизма и его роли в духовной и социаль-

но-политической жизни Северной Африки в средние века и новое время. Таким образом, тематика почти полностью совпадает с таковой у А.Д. Саватеева, но объектом исследования здесь выступает другой регион. В отличие от предыдущего автора, основное внимание Н.Н. Дьяков уделяет процессу исламизации Магриба с VII в. по XX в. включительно. Но при этом автор постоянно подчеркивает значимость региональных особенностей суфизма и роль автохтонной берберской духовной культуры, а также традиционных социальных институтов в формировании североафриканских тарикатов. Более того, он справедливо отмечает тот факт, что влияние на общество, которое и по сей день оказывает именно локальный вариант ислама, было бы просто невозможным в отрыве от исконных народных ценностей и устойчивых стереотипов: “феномен духовной и социальной истории Магриба не всегда был следствием эволюции исламского мистицизма” (Дьяков 2008: 194). В частности, одну из основ существования и успешного функционирования тарикатов Магриба Н.Н. Дьяков усматривает не столько в интегрирующей силе ислама (что обычно отмечают социологи), сколько в устойчивости культа святых, основанного на древних анимистических представлениях о некой безличной силе, а также в связанном с ним институте марабутов, который, в свою очередь, глубоко уходит своими корнями в традиционные потестарные институты. Раскрывая подобные аспекты в исследовании, автор объясняет причины влияния тарикатов на социально-политические процессы в странах Северной Африки как в средние века, так и в новое и новейшее время. Таким образом, должное внимание к домусульманскому прошлому Магриба делает исследование Н.Н. Дьякова действительно обстоятельным и исчерпывающим.

В настоящее время ислам продолжает распространяться среди африканских народов. Мусульманские религиозные братства в этой части света (впрочем, как и везде) совмещают черты архаичных элементов духовной культуры и исконно африканских социальных институтов с мусульманской традицией. Существование и процветание африканских суфийских братств в современном мире стало возможным во многом благодаря подобному синтезу традиционных и общемусульманских ценностей. Для более полного изучения рассматриваемой тематики, несомненно, необходимо привлечение трудов по социологии, политологии и некоторым другим смежным дисциплинам. Но, анализируя причины стремительного развития таких действующих социальных институтов, как тарикаты Африки, и в первую очередь Тропической Африки, рассуждая о современных процессах глобализации, в которые они оказались активно вовлечены, и оценивая их всестороннее влияние на жизнь общества, нельзя игнорировать те аспекты, которыми занимается собственно этнография

Таким образом, на примере трех работ, посвященных особенностям суфийских братств на Африканском континенте и их роли в истории и современном мире, мы видим, что глубокое понимание и интерпретация подобного явления невозможны без предварительного и всестороннего (а не только социально-экономического) исследования общества, и, в первую очередь, его исконных традиций и основ. Возникновение локальных вариантов ислама и их устойчивость даже на фоне процессов глобализации во многом зависят от живучести домотеистических традиций. Ислам, в свою очередь, не “предлагает” новый вариант организации социума, а дает переосмысление традиционных ценностей, не отрицая при этом значимости последних.

В заключение отметим, что основная цель написания этого краткого обзора – не только анализ работ, написанных двумя видными африканистами, но и желание привлечь внимание к изучению актуальной, по мнению автора, на сегодняшний день проблематики именно с точки зрения этнографической науки.

Литература

- Дьяков 2008 – Дьяков Н.Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008.
- Саватеев 1999 – Саватеев А.Д. Мусульманские духовные ордены в Тропической Африке. М.: Ин-т Африки РАН, 1999.
- Саватеев 2006 – Саватеев А.Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: Ин-т Африки РАН, 2006.